

КОНЦЕССИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ В ЕВРО-АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИИ В 1920-Е ГОДЫ: ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т. И. Трошина

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)

Северный государственный медицинский университет (Архангельск, Российская Федерация)

Статья поступила в редакцию 19 июня 2023 г.

Для цитирования

Трошина Т. И. Концессионное природопользование в Евро-Арктической зоне России в 1920-е годы: эколого-экономический и исторический аспект // Арктика: экология и экономика. — 2024. — Т. 14, № 1. — С. 70—79. — DOI: 10.25283/2224-4594-2024-1-70-79.

Выполнен ретроспективный анализ развития концессий на Европейском Севере России, показано их влияние на экономическое развитие и состояние окружающей среды. Цель положенного в основу статьи исследования — изучить опыт передачи в концессию иностранным предпринимателям сырьевых ресурсов Европейского Севера России в 1920-е годы для привлечения инвестиций в реализацию проектов по правильному и экономически эффективному природопользованию. В качестве объекта исследования рассматриваются лесные, рыболовные и зверобойные концессии. На основе анализа разнообразных опубликованных и архивных источников выявлено, что концессионеры в интересах получения доходов шли на нарушение законов, в том числе природоохранных. Критический анализ деятельности иностранных концессий создает научную основу для реализации национальных экономических проектов, а также дает толчок к развитию отечественной экологической науки. Результаты исследования по использованию опыта концессионного природопользования могут быть использованы при разработке мер по недопущению негативного влияния освоения Арктики на окружающую среду, для привлечения инвестиций, в том числе иностранных, и гармонизации интересов бизнеса и местного населения.

Ключевые слова: иностранные концессии, новая экономическая политика, Европейский Север, Арктика, возобновляемые природные ресурсы, лесопромышленность, рыбный и зверобойный промыслы, рациональное природопользование.

Введение

Среди выделенных в правительственных документах рисков хозяйственной деятельности в Арктической зоне остановимся на наиболее устойчивых, которые фиксировались на протяжении по крайней мере последнего столетия: огромных перспективах экономического освоения природных ресурсов и одновременно «высокой чувствительности экологиче-

ских систем [Арктики] к внешним воздействиям»¹. Давление на природу Европейского Севера России усилилось к концу XIX в. Сюда устремились пред-

¹ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. — Утв. указом Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 с изменениями и дополнениями от 12 ноября 2021 г., 27 февраля 2023 г. — URL: <https://base.garant.ru/74810556/?ysclid=lr4t1s2w1v889960652>.

приниматели из Западной Европы, где в результате бурного промышленного развития существенно сократились возобновляемые природные ресурсы. Внимание было обращено на северный русский лес благодаря его качеству и близости к морским портам для удобного и дешевого экспорта. Усовершенствование орудий рыбной ловли и боя морского зверя способствовало интенсификации промысла, сокращению рыбы и морского зверя в западных морях Арктики, и иностранные рыбаки и зверобои устремились в ее русский сектор. Экономически активная общественность Архангельской губернии, включавшей все европейское побережье Арктики с островами, обращала внимание властей на возможные экологические проблемы из-за бесконтрольной эксплуатации иностранцами отечественных ресурсов. В большей степени это касалось морских промыслов; лесопользование сталкивалось с проблемами: из-за плохо развитой инфраструктуры высококачественный (экспортный) лес вырубался на близких к сплавым рекам участках, пропадая на огромных просторах междуречья.

Основной проблемой развития на Севере сырьевой экономики оставалось недостаточное финансирование. Ситуация усугубилась после Гражданской войны. В условиях хозяйственной разрухи и экономической блокады со стороны западных стран восстановление народного хозяйства требовало привлечения валютных инвестиций, и советское правительство решилось на передачу в концессию иностранным предпринимателям привлекательных для них объектов. За северное сырье (рыбу, морского зверя, пушнину, лес) они готовы были платить нужную стране валюту.

Следует иметь в виду, что в 1920-х годах, несмотря на разочарование в разнообразных социалистических экспериментах в экономике, хозяйственники сохраняли революционный энтузиазм, направленный на ускоренную модернизацию народного хозяйства путем совмещения лучших капиталистических инноваций и положительного эффекта социалистической экономики (плановое хозяйство, обобществленные средства производства, централизация управления, разбуженная революцией народная инициатива). Они понимали все недостатки «лесного дела» дореволюционной России: зависимость от иностранного капитала и технологий; «недуробы», в результате чего пропадали огромные объемы леса, а отходы (нетоварный лес, коренья, ветки и пр.) оставались на месте вырубки, засоряя леса; отсутствие дорог для транспортировки леса, слабый собственный морской флот (до 90% стоимости русского экспорта приходилось на фрахт иностранных судов²). Все это ограничивало возможности полу-

чения доходов для развития народного хозяйства, не позволяло в полной мере использовать сырье для производства нужных стране товаров (бумаги, целлюлозы, других продуктов химической обработки древесины). Осознавались препятствия, создаваемые национальному предпринимательству конкуренцией со стороны иностранных (английских, немецких, норвежских и др.) рыбаков и зверобоев, промышленявших в русских северных водах, а также возможный ущерб от бесконтрольного промысла. Но на первое место ставились вопросы подъема промышленности и сельского хозяйства, для чего требовалось закупать иностранную технику. Крайний Север — как надеялись, временно — становился «валютным цехом страны». Одной из форм получения валюты стало сотрудничество с иностранными предпринимателями в форме концессий.

Тема иностранных концессий не нова в отечественной и западной науке. В 1920-е годы появилось большое количество публикаций политиков и экономистов, непосредственно занимавшихся этими вопросами [1; 2], но в период «замалчивания» успехов нэпа (1930—1950-е годы) серьезные исследования не проводились. Иностранные историки исследовали наиболее «надежный» для западных компаний формат сотрудничества, а именно обмен технологий на сырье [3], достаточно высоко оценивая успехи западной помощи в подъеме экономики России и СССР [4].

В 1990-х в схожих с 1920-ми годами обстоятельствах (экономический кризис, зависимость от импорта) тема концессий вновь стала актуальной в отечественной науке. В поисках альтернативных вариантов развития страны историки и экономисты всесторонне исследовали деятельность иностранных концессий [5; 6], искали причины их сворачивания [7; 8]. Особого внимания заслужили лесные концессии, в том числе на европейском Севере [9; 10]. Построенное на материалах норвежских и российских архивов исследование [11; 12] в значительной степени представляет собой взгляд норвежской стороны, оправдывающий деятельность так называемой «иностранной группы» лесных концессионеров.

Концессионная эксплуатация северных вод чаще рассматривается с точки зрения их политического значения [10; 13; 14]. Рыболовные и особенно зверобойные концессии обращают внимание исследователей и негативным экологическим эффектом «хозяйствования» временных пользователей ресурсами [15; 16]. На примере сырьевых концессий поднимается вопрос экологических доводов при защите экономических и политических интересов [17; 18]. Признается, что экономический эффект от сырьевых концессий в сравнении с понесенным экологическим ущербом был минимален.

Методы и материалы

В основу статьи положено исследование, построенное на анализе большого количества разно-

² Данишевский И. И. Экономическое положение нашего Севера, его внешняя торговля в связи с переживаемыми событиями // Изв. Арханг. О-ва изучения Русского Севера. — 1918. — № 1-2. — С. 10.

плановых документов и их перекрестной проверке, позволяющее выяснить оценку современниками экономического эффекта и экологических угроз от деятельности иностранных концессий.

В период новой экономической политики еще не угасший революционный энтузиазм подогревал многочисленные дискуссии о будущем страны. Вопрос о концессиях разделил советских хозяйственников. Одни видели в них наиболее быструю форму восстановления и модернизации народного хозяйства, критически высказываясь в отношении традиционного использования ресурсов. Другие — не без собственного экономического интереса (обычно это были активисты кооперативного движения, отодвинутого от природных ресурсов в пользу государственных трестов, передававших их концессионерам) — критиковали «узкоэкономические» цели иностранцев, эксплуатировавших ресурсы России как временщики, не задумываясь о будущем страны и интересах местного населения. Проблема рационального использования природных ресурсов достаточно часто вставала в публицистике, отразилась в ведомственных документах, дающих необходимый материал для анализа.

Анализ экономической эффективности сырьевых концессий создает впечатление, что советские чиновники слишком доверчиво относились к иностранным капиталистам, которые уже на этапе заключения договоров не особенно стремились их выполнять. Однако тщательная работа с документами убеждает в обратном. Уполномоченные органы профессионально рассматривали предложения. Из 945 поступивших в 1922—1923 гг. предложений до стадии обсуждения или подписания договора дошло только 60 [2, с. 32—35].

Проверка потенциальных концессионеров была двойной. Главный концессионный комитет собирал официальную информацию: справки от иностранных банков о кредитоспособности, сведения о деловой репутации заявившихся фирм. Экономическое управление Народного комиссариата внутренних дел через свою заграничную агентуру проверяло достоверность представленных соискателем сведений, ненадежным (в экономическом или политическом отношении) заявителям рекомендовалось концессию не предоставлять. По результатам строгого подхода к каждому предложению были поддержаны и приступили к реализации своих планов на Европейском Севере только шесть концессионных предприятий: три совместных (советско-английское, советско-голландское и советско-норвежское) лесопромышленных предприятия, две концессии на зверобойный промысел и концессия на вылов рыбы в северных территориальных водах СССР.

Деятельность концессионеров находилась под наблюдением политических органов, мониторивших настроения общества, прежде всего рабочих и крестьян, их отношение к «возвращению капиталистов»,

притом иностранных. Различными способами от экспертизы финансовой документации и анализа зарубежной прессы до агентурной работы внутри страны и за рубежом осуществлялся экономический контроль, а также контроль экологический — чтобы не допустить уничтожения ресурсов, необходимых в ближайшем будущем для развития собственно социалистического хозяйства. Особый интерес представляют «закрытые письма» местных партийных органов в вышестоящие организации с достаточно беспристрастным анализом экономической и социальной ситуации. Содержащиеся в этих источниках сведения не становились достоянием широкой общественности (концессии заключались исходя из политических интересов, и любые неприятности с ними могли «отпугнуть» потенциальных иностранных инвесторов), тем выше их информационная ценность.

Результаты исследования

Изучение деятельности сырьевых концессий на Европейском Севере подтверждает, что основными причинами передачи в пользование иностранным предпринимателям национальных ресурсов были политические соображения.

Возникшие на гребне завышенных революционных ожиданий надежды на правильную эксплуатацию северных природных богатств своими силами (что позволило бы наполнить государственную казну, обеспечить достойным заработком местное население, сберечь ресурсы для будущих поколений) не удалось реализовать по ряду причин. Централизация хозяйственного управления, позволившая одержать победу в Гражданской войне, оказалась мало приспособлена к задачам восстановительного периода. Трудовые мобилизации не всегда обеспечивали промышленность квалифицированными кадрами. Переданные после войны для нужд народного хозяйства ледоколы и тральщики не позволили модернизировать рыболовный и зверобойный промысел из-за полного отсутствия угля. Заготовку леса тормозило отсутствие орудий труда, одежды и обуви для лесорубов и сплавщиков, продуктов питания для рабочих, фуража для лошадей. На национализированных заводах оставалось достаточно экспортной древесины, но не было транспорта для вывоза ее на мировой рынок, где к тому же доставленный из Советской России лес находился под риском конфискации.

Передача северных лесов в концессию бывшим заводладельцам на не самых выгодных для государства условиях и с правом аренды концессионерами их бывших заводов вместе с портовыми участками, пароходами и прочим движимым и недвижимым национализированным имуществом объяснялась политическими причинами: желанием пробить таким образом экономическую блокаду, дав иностранцам положительные примеры сотрудничества с Советским государством. Иностранные концессии на зве-

робойный и рыболовный промысел, «которые были сданы [на Севере], преследовали цель укрепления нашей 12-мильной зоны против 3-мильной, которую выставляли англичане, а не цель привлечения капитала»³, — так согласно пояснению Главконцесскома создавался прецедент признания русских территориальных вод в северных морях, которые международное право склонно было рассматривать как нейтральные воды Ледовитого океана.

Лесные концессии: надежды и разочарования

Сложности с реализацией лесного экспорта на мировом рынке стали причиной допуска иностранного капитала к эксплуатации лесных богатств Русского Севера. Немаловажными были и хозяйственные основания. Из-за неразвитой транспортной инфраструктуры «ежегодно в вологодских лесах отмирает, превращаясь в перегной и перестой», более двух миллионов кубометров отличного леса⁴. Имевшиеся в северных губерниях перерабатывающие предприятия (целлюлозные и бумажные фабрики, полукустарные смолокурные заводы) были не в состоянии переработать миллионы кубометров нетоварной древесины. В результате десятина леса в Северо-Двинском бассейне приносила доход на 36 коп., на Мезени — 3, в Печорском бассейне — 0,4 коп. Для сравнения: в Финляндии доход с десятины составлял 1,28 руб.⁵

По словам энтузиаста концессионной политики Л. Б. Красина, «посредством привлечения иностранного капитала, путем проложения новых железнодорожных путей, улучшения сплава и водных путей, постройки новых магистралей и подъездных путей, новых шоссе и грунтовых дорог» удастся сделать доступными для эксплуатации большей площади и повысить использование древесины с 3% хотя бы до 40%, «и тогда было бы не жаль часть этого приращения отдать иностранному капиталу за науку и за привоз ими необходимых орудий производства, материалов, снабжения...» [1, с. 30, 31]. К тому же к 1920 г. Россия потеряла первое место экспортера древесины, уступив Финляндии, Швеции и Норвегии [19, с. 128], и без опытных иностранных маклеров вернуть прежние позиции было сложно.

Объясняя причины заключения договоров на лесные концессии, руководитель треста «Северолес» говорил, что таким образом «предполагалось...увеличить площадь эксплуатации лесов, усилить доходы казны, и вообще оживить промышленную

жизнь края»⁶. «Интерес» Северолеса при заключении концессий (недвижимое имущество которых, согласно договору, должно было оставаться советской стороне) заключался в инвестициях и технологиях для развития максимально безубыточного лесопильного производства. Концессионерам ставились условия продажи лесоматериалов на мировой рынок с передачей валютной выручки советской стороне и обязательной модернизации производства — как механической, так и химической обработки древесины, для чего переоборудовать лесозаводы и строить предприятия для переработки отходов в непосредственной близости к местам лесозаготовок⁷.

Капитал получивших концессии акционерных обществ состоял из стоимости национализированных заводов и имевшихся на биржах лесоматериалов, реализация которых создавала оборотный капитал. Предполагалось также, что концессионеры привлекут на выгодных условиях кредиты иностранных банков. В нарушение первоначальных планов предоставлять для разработки труднодоступные лесные массивы концессионерам шли навстречу, передавая «самые легкие районы, требующие меньшей затраты капитала»⁸.

Проекты концессионных договоров детально изучались, чтобы они «в полной мере соответствовали лесохозяйственным и финансовым интересам Республики». Рассмотрим в качестве примера анализ договора с Руснорвеголесом на предмет «коммерческого расчета для Северолеса». Была собрана информация о наличии пиловочника и бревен на заводах, принадлежавших бывшим владельцам и составлявших их национализированную собственность, определена стоимость лесозаводов (расчет производился в довоенных ценах). Из общей стоимости имущества 489,6 тыс. английских фунтов концессионеры получили 40 тыс. для покрытия своих старых долгов перед иностранными банками. Оставшееся было поделено поровну между группой иностранных акционеров и Северолесом (владельцем советского пакета акций). Фактически бывшие владельцы получили 30% стоимости имущества, поскольку в качестве взноса трест внес стоимость лесозаводов (условием концессии было признание бывшими владельцами результатов национализации), а также — 30 тыс. фунтов «за сохранение товара». Северолес считал сделку выгодной: «за уступку 167 тыс. фунтов стерлингов из общей суммы капитала 490 тыс. ...создано акционерное общество с капиталом 300 тыс., привлечены в дело опытные норвежские лесопромышленники, которые сумеют изыскать необходимые кредиты, улучшить условия

³ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). — Ф. 8350, оп. 1, д. 405, л. 76–84.

⁴ Российский государственный архив экономики (далее РГЭА). — Ф. 3429, оп. 2, д. 2861, л. 67.

⁵ Государственный архив Архангельской области, отдел документов социально-политической истории (далее ГАО. ОД-СПИ). — Ф. 1, оп. 1, д. 776, л. 340б.

⁶ Данишевский К. Х. Смешанные общества // Лесопром. дело. — 1925. — № 1-2. — С. 5.

⁷ РГЭА. — Ф. 413, оп. 2, д. 1960-б, л. 29.

⁸ Пятаков Г. Концессионная политика в лесном деле // Лесопром. дело. — 1923. — № 5-6.

фрахта, отремонтировать и оборудовать новые лесопильные рамы, построить целлюлозную фабрику, улучшить сплав и проч.»; «прибыль для Северолеса и выгода для Республики» ожидалась более значительными, чем сделанная уступка⁹.

Забегая вперед, скажем, что эти надежды не оправдались. Целый комплекс причин — субъективных (личные интересы концессионеров, стремившихся лишь компенсировать национализированное имущество) и объективных (падение спроса на лес в связи с рецессией в Западной Европе, политические причины, способствовавшие атмосфере недоверия между СССР и западными партнерами, финансовая политика государства, создающая дополнительные сложности для экспортеров) — нарушил зафиксированные в концессионных договорах и дополнительных к ним соглашениях планы. Не в состоянии выполнить обещанное, иностранные концессионеры шли на мошеннические приемы извлечения из акционерных обществ необходимых им средств. Например, акционер АО «Русголландлес» фирма «Альциус и наследники» при заключении договора подала сведения о заведомо завышенной стоимости своих акций и, не возражая против досрочного прекращения концессионного договора, настаивала на выплате стоимости акций по этим ценам¹⁰. Она соглашалась даже на процедуру банкротства, что категорически не устраивало советскую сторону — как негативный пример для потенциальных концессионеров работы с «советами».

«Русанглолес» в лице основного акционера и бывшего владельца заводов фирмы «Бр. Шалит», имея еще несколько концессионных предприятий на территории СССР, более был заинтересован в выяснении конъюнктуры лесного рынка, чем в развитии собственной промышленности. К тому же, по мнению советской стороны, концессионер продавал лес по заниженным ценам своим дочерним предприятиям или ассоциированным с ним фирмам, а кредиты — тоже у ассоциированных банков — брал под явно завышенные проценты¹¹. Англичане наиболее безболезненно для себя пошли на закрытие концессии, будучи уличены в подкупе местных властей с целью получить лучшие участки для заготовки¹².

Норвежский консорциум бывших владельцев онежских лесозаводов, объединенных в «иностранную группу» акционеров АО «Руснорвеголес», получил концессию позднее других иностранных компаний и на менее благоприятных условиях. При этом для эксплуатации им были переданы лесные массивы в бассейне Онеги, максимально приближенные к беломорским портам. Норвежцы, пожалуй, были реально заинтересованы в развитии концессии.

⁹ РГЭА. — Ф. 413, оп. 2, д. 1960-6, л. 31.

¹⁰ ГАРФ. — Ф. 8350, оп. 1, д. 266, л. 10—11.

¹¹ ГААО. ОДСПИ. — Ф. 1, оп. 1, д. 1246, л. 166—168; д. 1534, л. 36.

¹² Государственный архив Вологодской области. — Ф. п-2, оп. 1, д. 1253, л. 59—81.

Стремилась максимально идти навстречу местным властям и интересам населения. Шантажируя прекращением своей деятельности, что оставило бы без работы рабочих двух онежских заводов и занимавшихся лесозаготовками и сплавом крестьян Онежского и Каргопольского уездов, норвежцы настаивали на новых и новых уступках со стороны правительства — и получали их. В 1927 г. возникло подозрение, что концессионеры меняют на «черном рынке» валюту, сдают выручку в советские банки рублями с немалой для себя выгодой¹³. Это послужило поводом принудить «иностранную группу» продать свои акции советской стороне по заниженным ценам.

Рыболовные и зверобойные концессии: политика, экономика и экология

Концессии на рыбный и зверобойный промысел напрямую были связаны с политическим вопросом признания русских территориальных вод вдоль северного побережья страны (вопрос подробно рассмотрен И. Н. Михиной [20]). Признание территориальными вод в пределах 12 морских миль от побережья и принадлежащих России островов законом 1909 г. было подтверждено в 1918 г. Совнаркомом. Впрочем, российским правительствам (центральному и «белогвардейским») было не до охраны морских границ. Правительство Северной области (с центром в Архангельске) было вынуждено фактически признать право иностранцев промысливать в русских водах. Советским декретом «Об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и Белом море» (1921 г.) 12-мильная полоса вновь была подтверждена [21, с. 54—55]. Начались задержания иностранных промысловых судов, особенно наиболее активных — английских и норвежских. И если норвежский МИД рекомендовал соотечественникам выполнять советские требования, то с Великобританией произошел обмен весьма жесткими нотами. Торговый договор с Англией 1924 г. фактически признавал Белое море внутренним морем СССР. Это ударяло по интересам норвежских зверобоев — лежки тюленя в самый успешный промысловый период располагались как раз в Горле Белого моря (узком проливе, отделяющем его от Баренцева). В соответствии с договором о торговле и мореплавании с Норвегией (1925 г.) от норвежцев стали поступать концессионные заявки на легальный зверобойный промысел.

Эти концессии вызывали особое беспокойство у общественности Архангельской губернии [22]. Причиной был опыт конкуренции с норвежцами в предыдущие десятилетия. Припоминалось, что «на севере русский промысел кита прекратился после появления в середине XIX в. иностранцев». Норвежцы вытеснили поморов сначала «с промысла моржа и другого зверя в районе Шпицбергена», а затем из

¹³ ГАРФ. — Ф. п-8350, оп. 3, д. 373, л. 1—3.

«новоземельских промыслов» [23, с. 80]. Оставался промысел тюленя. Но в 1919—1920 гг., пользуясь отсутствием контроля в охваченной Гражданской войной стране, норвежцы начали «перехватывать» и его. Норвегия заняла первое место в мире по зверобойному промыслу, до 60% добывая в Белом море [24, с. 42—43]. Отмечалось, что «норвежцы безнаказанно истребляют поголовье морзверя, попутно забирают за ничтожную плату другие товары у самоедов и русских на Колгуеве, Новой Земле, Вайгаче»¹⁴. И если в начале XX в. хищнический промысел норвежцев был довольно скромным: они «вытапливали 600—800 тонн тюленьего жира, оставляя на льду шкуры и кости животных», то в 1920-е годах — уже 5—7 тыс. т только тюленьего жира. Добычей были акулы, белухи, морские зайцы, а также гагачий пух и «десятки миллионов яиц», которые они вывозили с русских островов Северного Ледовитого океана¹⁵. Знарок зверобойного промысла капитан И. П. Ануфриев категорически высказывался против зверобойных концессий, видя в них экономическую нецелесообразность для государства и прямой вред для местных промышленников [23].

Концессионный договор на зверобойный промысел был заключен на сезон 1923 г. с норвежским обществом «Винге и К^о» (без продления) и в 1924 г. с «группой тюленепромышленников Аалезундского союза судоходства», он ежегодно продлевался до конца 30-х годов и, по признанию советской стороны, «был принят главным образом по политическим соображениям, с экономической точки зрения вызывал серьезные возражения»¹⁶. Плата за концессию действительно была незначительная, 25 тыс. долл., и это еще больше подогревало возмущение властей и общественности Архангельской губернии: «вторжение в наши воды ...до 100 судов приведет к тому, что зверь уйдет»¹⁷. Губернские власти обращали внимание центральных органов на «хищнические способы охоты норвежцев», а также на угрозу «ухода» русского населения с побережья, что имело бы политические последствия (отсутствие необходимого мобилизационного ресурса в случае военного нападения)¹⁸. Госконцесском соглашался, что промысел имел «беспорядочный, граничащий с хищничеством характер истребления зверя». Отмечались «случаи убоя самок с детенышами» и «...лишь частичное использование промышленного зверя. Перерабатывается подножный жир, остатки же туш выбрасываются в море, приводя бухты в антисанитарное состояние... Превышение допускаемой

специалистами нормы убоя угрожает поголовным уничтожением тюленевого стада» [25, с. 234—235, 285—290].

Формой контроля за норвежскими зверобойными концессиями и одновременно реакцией на общественные настроения в отношении природосбережения, выразившиеся в «беспокойстве относительно мер для предотвращения истребления стада», стала «Советско-норвежская паритетная комиссия по зверобойному промыслу». Созданная на основании концессионного договора и состоявшая из компетентных специалистов-ихтиологов, она должна была выяснить, действительно ли «зверобойный промысел норвежских судов является слишком интенсивным», на что указывала советская сторона. Для «решения вопроса о допустимом по современному состоянию тюленьего стада размере убоя» была разработана «программа исследований тюленьего промысла»¹⁹.

Советская сторона вела количественный учет тюленей с аэропланов и промысловых ледоколов. Норвежские специалисты проводили наблюдения на судах концессионного флота. Результаты исследований настолько разнились, что комиссия так и не пришла к консенсусу, и предложение советской стороны ограничить убой тюленей половиной приплода (высчитываемого по количеству взрослого зверя) принято не было²⁰. Промысел зверя действительно с каждым годом уменьшался²¹; это могло быть результатом интенсивного убоя зверя или климатических колебаний, заставлявших тюленей исцать новые лежки. С конца 1920-х годов норвежцы сокращали разрешенный промысловый тоннаж, переориентируясь на новые промысловые районы.

При решении вопроса концессий на траловый лов рыбы приходилось учитывать присутствие здесь иностранцев уже не одно десятилетие. Имея огромные водные ресурсы, Россия в северных морях добывала незначительное количество рыбы, закупая у тех же норвежцев даже для местного рынка. Это обходилось дешевле, чем развитие собственной промышленности. Причина в отсутствии траловой базы с холодильниками, перерабатывающими и консервными заводами. Значительные капиталовложения для создания такой базы концессионная плата обеспечить не могла. Концессии получали коллективы мелких собственников, «капиталистам», если таковые находились, обычно отказывали, что подтверждает политические, а не экономические мотивы передачи ресурсов в концессию. Договор на рыболовный промысел вдоль северного побережья СССР был один — с «Хозяйственным союзом германских

¹⁴ Жилинский А. Нужды северной тундры // Внеш. торговля. — 1922. — № 23.

¹⁵ Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). — Ф. 150, оп. 3, д. 740, л. 38—40.

¹⁶ ГАРФ. — Ф. 8350, оп. 1, д. 379, л. 111.

¹⁷ ГААО. — Ф. 893, оп. 1, д. 48, л. 140—142.

¹⁸ О зверобойных концессиях // Север. хоз-во. — 1924. — № 12. — С. 137.

¹⁹ Козаков М. Советско-норвежская паритетная комиссия по зверобойному промыслу // Бюл. Рыб. хоз-ва. — 1926. — № 10.

²⁰ Козаков М. Третья сессия Северно-Норвежской паритетной комиссии по зверобойному делу // Бюл. рыб. хоз-ва. — 1928. — № 12.

²¹ Герасимов М. О результатах норвежского концессионного промысла в 1929 г. // Бюл. рыб. хоз-ва. — 1929. — № 7—8.

рыбопромышленников в Бремене». Заключенный в 1925 г. на основе советско-германского соглашения о мореплавании на два года, он регулярно продлевался и просуществовал до конца 30-х годов. За право тралового лова в советских территориальных водах без захода в советские порты уплачивалось 5 тыс. руб. (10 тыс. марок). В 1928 г. 33 объединения немецких рыбаков на 346 судах добыли около 30 тыс. центнеров рыбы²².

От английских рыбопромышленников концессионных предложений не поступало, они продолжали браконьерствовать, устроив за 1920-е годы улов в северных морях²³. Прежде англичан интересовали камбала и пикша, «остальную рыбу выбрасывали за борт»; но благодаря существенному усовершенствованию техники переработки начали брать «все, даже мелкую рыбешку»²⁴, для чего заходили в советские территориальные воды и тралили рыбу сетями с мелкой ячейей. Пользуясь большей быстроходностью своих судов, англичане игнорировали требования советских пограничников покинуть территориальные воды. В 1922 г. случилось несколько арестов промышлявших в Баренцевом море английских траулеров, что привело к дипломатическому напряжению. «Во избежание обострения отношений» задержанные суда были освобождены [26, с. 44—45]; из политических соображений советско-британский торговый договор «временно» допускал и 3-милльную полосу советских территориальных вод.

Столь интенсивный лов создавал опасность для рыбных ресурсов. Заходя «в наши воды с рыболовными сильными пароходами», иностранцы тралили «даже заповедные места, уничтожая рыбные пристанища»²⁵. Специалисты отмечали между 1911 и 1924 гг. десятикратную интенсификацию промыслов, признавая, что такое давление «...может выдержать только добыча сельди, которой имеются колоссальные запасы. Ни семга, ни прочие лососевые такой нагрузки не выдержат»²⁶. Передача северных вод в концессионное пользование противоречила, таким образом, интересам государства. В аналитической записке Госконцесскома «Будущее русской северной рыбной промышленности в связи с усилением иностранных траловых и зверобойных промыслов в СЛО» (1923 г.) признавалось: «...Нерегулируемый иностранный промысел не может пройти бесследно... Ни англичане, ни германцы не заинтересованы в производстве лова согласно требованиям рационального хозяйства». Улов «...до

500 судов под разными флагами» прогнозировался в 160 тыс. т, создавая опасность разрушения рыбных банок, вылова молодняка. Признавалась необходимость государственной монополии над водами, все остальные способы регулирования лова воспринимались «опасной полумерой, самообманом» [13, с. 260—263].

Выводы

Многие задачи рационального промышленно-хозяйственного освоения территорий Крайнего Севера, сознававшиеся российской общественностью до революции, на решение которых в определенной степени были направлены концессионные проекты (необходимость формирования максимально равномерно распределенного по огромным и малозаселенным территориям постоянного населения; привлечение для развития и модернизации промышленности отечественных и иностранных инвестиций, в том числе в форме частно-государственного партнерства; организация природоохранных мероприятий в отношении рыбных и лесных ресурсов, что позволило бы осуществить переход к «экономике замкнутого типа»; ориентация на сохранение и развитие традиционных видов хозяйственной деятельности по использованию возобновляемых природных ресурсов), актуальны и сегодня, они прописаны в «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

Успехи и просчеты реализации концессионной программы советского правительства в 1920-е годы, опыт социалистической индустриализации Севера в 1920—1950-х годах (что является темой отдельной статьи) могут быть затребованы для конкретизации современных проектов по экономическому подъему АЗРФ.

Положительным результатом «концессионного опыта» стало сформированное советской стороной убеждение рассчитывать только на свои силы. Надежды на получение от концессионеров инвестиций и технологических инноваций, что имело бы длительный экономический и экологический эффект, не оправдались. Критическое внимание к деятельности иностранных концессий способствовало появлению собственных технологических инициатив, многие из которых были впоследствии реализованы. Экономический и экологический анализ поступавших концессионных предложений и всесторонний контроль деятельности поддержанных предприятий проводился с привлечением специалистов в различных областях, что подтолкнуло развитие отечественной практико-ориентированной науки.

Опыт концессионного природопользования может быть использован для обоснования и реализации инвестиционных проектов промышленного освоения Арктики [27], привлечения инвестиций, в том числе иностранных, а также для разработки мер по

²² ГАРФ. — Ф. р-8350, оп. 3, д. 457, л. 38.

²³ Английское рыболовство в Баренцевом море за последние годы // Бюл. рыб. хоз-ва. — 1923. — № 13—14. — С. 28—30.

²⁴ Жилинский А. Несколько слов о траловом флоте на севере // Сев. хоз-во. — 1925. — № 11. — С. 73—76.

²⁵ РГАЭ. — Ф. 413, оп. 2, д. 454, л. 54.

²⁶ ГААО. — Ф. 371, л. 15об. — 16.

гармонизации интересов бизнеса и коренных народов Севера при реализации стратегии социально-экономического развития российской Арктики на перспективу [28].

Финансирование

Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-20061 «Иностранные концессии в Архангельской губернии: региональный опыт внешнеэкономических контактов в условиях изоляции Советской России».

Литература/References

1. Красин Л. Б. Внешторг и внешняя экономическая политика Советского государства. — Пг.: Гос. изд-во, 1921. — 47 с.
Krasin L. B. Vneshtorg and foreign economic policy of the Soviet state. Petrograd, 1921, 47 p. (In Russian).
2. Бутковский В. П. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. — М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. — 123 с.
Butkovsky V. P. Foreign Concessions in the National Economy of the USSR. Moscow, Leningrad, 1928, 123 p. (In Russian).
3. Sutton A. C. Western technology and Soviet economic development 1917 to 1930. Stanford, Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 1968.
4. Heywood A. Soviet economic concessions policy and industrial development in the 1920s: The case of the Moscow railway repair factory. *Europe-Asia Studies*, 2000, vol. 52, no. 3, pp. 549—569.
5. Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. — М.: Междунар. отношения, 1990. — 186 с.
Dongarov A. G. Foreign Capital in Russia and the USSR. Moscow, 1990, 186 p. (In Russian).
6. Булатов В. В. «Нэпманский» капитал в отечественной концессионной практике // *Власть*. — 2008. — № 12. — С. 108—112.
Bulatov V. V. "Nepman" capital in national concession practice. Vlast, 2008, no. 12, pp. 108—112. (In Russian).
7. Левин М. И., Шевелева И. В. Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: «почему расстались»? // *Вопр. экономики*. — 2016. — № 1. — С. 139—158.
Levin M. I., Sheveleva I. V. Foreign concessions in the 1920s in the USSR: "why parted"? Voprosy ekonomiki, 2016, no. 1, pp. 139—158. (In Russian).
8. Данильченко С. Л. Трансформация концессий в советскую экономику в годы нэпа: Монография. — М.: Макс-Пресс, 2012. — 238 с.
Danilchenko S. L. Transformation of concessions in the Soviet economy in the years of the NEP: Monograph. Moscow, 2012, 238 p. (In Russian).
9. Загорюлько М. М., Парфенов А. Е. Смешанные лесные концессионные предприятия на севере Европейской России в период нэпа // *Изв. Волгоград. техн. ун-та*. — 2006. — Вып. 5. — С. 181—188.

- Zagorulko M. M., Parfenov A. E. Mixed forest concession enterprises in the North of European Russia during the NEP. Izvestiya Volgogradskogo tekhnicheskogo universiteta, 2006, iss. 5, pp. 181—188. (In Russian).*
10. Киселев А. А. Концессии на Европейском Севере России // *Вопр. истории*. — 1972. — № 7. — С. 26—36.
Kiselev A. A. Concessions in the European North of Russia. Voprosy Istorii, 1972, no. 7, pp. 26—36. (In Russian).
 11. *Lundesgaard J., Tevlina V. V. Russian Timber Industry in the 1920s: on the Short History of Russnorvegoles. Acta Borealia, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 26—49.*
 12. *Lundesgaard J., Tevlina V. V. Profit under the Soviets: Timber Concessions, Western Interests and the Monetary Reforms under NEP. Revolutionary Russia, 2021, vol. 34, no. 1, pp. 71—90. Available at: <https://doi.org/10.1080/09546545.2021.1864918>.*
 13. Иностранные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР: документы и материалы. 1920—1930. — М., 2003. — 856 с.
Foreign concessions in the fishery of Russia and the USSR: documents and materials. 1920—1930. Moscow, 2002, 856 p. (In Russian).
 14. Булатов В. В. Концессии как инструмент урегулирования проблем зверобойного промысла и принадлежности территориальных вод в районе Белого моря // *Власть*. — 2009. — № 10. — С. 152—155.
Bulatov V. V. Concessions as a tool for settling the problems of fur-trading and belonging to territorial waters in the White Sea. Vlast, 2009, no. 10, pp. 152—155. (In Russian).
 15. Репневский А. В., Репневский И. А. Поморы против зверобойной концессии «Винге и К°» // VII Ушаков. чтения: сборник научных статей. — Мурманск: МГГУ, 2011. — С. 18—24.
Repnevskiy A. V., Repnevskiy I. A. Pomor against the fur sealing concession "Vinge and K°". VII Ushakov Readings: a collection of scientific articles. Murmansk, 2011, pp. 18—24. (In Russian).
 16. Иванова Ж. Б. Олезундская зверобойная концессия и проблемы охраны и рационального использования морских живых ресурсов Северной России // *Вестн. РУДН. Сер. «Юрид. науки»*. — 2012. — № 2. — С. 216—223.
Ivanova Zh. B. Olesundskaya zveroboynaya concession and problems of protection and rational use of marine living resources of Northern Russia. Vestnik RUDN: Yuridicheskie nauki, 2012, no. 2, pp. 216—223. (In Russian).
 17. Репневский А. В. Олезундская зверобойная концессия: проблемы браконьерства и экологии в советско-норвежских отношениях // *Размышления о беломорском тюлене*. — Архангельск: ПГУ, 1999. — С. 49—95.
Repnevsky A. V. Olesunda fur seal concession: problems of poaching and ecology in Soviet-Norwegian relations. Reflections on the White Sea seal. Arkhangelsk, 1999, pp. 49—95. (In Russian).

18. Порцель А. К. Защита окружающей среды как проявление «мягкой силы» (на примере Шпицбергена) // Науч. тр. Сев.-зап. ин-та управления РАНХИГС. — 2016. — № 3 (25). — С. 93—104.
- Portsel A. K. Environmental protection as a manifestation of “soft power” (on the example of Spitsbergen). Nauchnye trudy Severo-zapadnogo instituta upravleniya RANKHIGS, 2016, no. 3 (25), pp. 93—104. (In Russian).
19. Фаас В. В. Лесной экспорт СССР // Труды по лесному опытному делу. — Вып. 1 (LXXV). — Л., 1929. — С. 123—135.
- Faas V. V. Forest export of the USSR. Proceedings on forest experimentation. — Вып. 1 (LXXV). Trudy po lesnomu opytnomu delu. Leningrad, 1929, pp. 123—135. (In Russian).
20. Михина И. Н. История формирования правового режима морских пространств российской Арктики // Морские вести России. — 2014. — № 17. — URL: <https://morvesti.ru/themes/1700/53298/?ysclid=ll0x4Ocdkv534916095>.
- Mikhina I. N. History of the formation of the legal regime of maritime spaces of the Russian Arctic. Morskije vesti Rossii, 2014, no. 17. (In Russian).
21. Советско-норвежские отношения, 1917—1955 гг.: Сб. документов. — М.: ЭЛИА-АРТО, 1997. — С. 54—55.
- Soviet-Norwegian Relations, 1917—1955: Collection of Documents. Moscow, 1997, pp. 54—55. (In Russian).
22. Репневский А. В., Репневский И. В. Пресса Архангельска против Олесундской концессии (20-е гг. XX в.) // Скандинавские чтения 2010 года: этнографические и культурно-исторические аспекты. — СПб.: МАЭ РАН, 2012. — С. 273—286. — URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/987-5-88431-196-1/.
- Repnevsky A. V., Repnevsky I. V. Press of Arkhangelsk against the Olesund Concession (20-s of the twentieth century). Scandinavian Readings 2010: ethnographic and cultural-historical aspects. St. Petersburg, 2012, pp. 273—286. (In Russian).
23. Ануфриев И. Зверобойный промысел Севера и концессии норвежцев // Север. хоз-во. — 1924. — № 1. — С. 80—87.
- Anufriev I. Fishing of sea beast of the North and concessions of the Norwegians. Severnoye khozyaistvo, 1924, no. 1, pp. 80—87. (In Russian).
24. Жилинский А. А. Промысел морского зверя в Белом море и Ледовитом океане. — Л., 1932. — 92 с.
- Zhilinsky A. A. Fishing of sea beast in the White Sea and Arctic Ocean. Leningrad, 1932, 92 p. (In Russian).
25. Иностранные концессии в СССР (1920—1930): документы и материалы: В 2 т. — М.: Современ. экономика и право, 2005. — 854 с.
- Foreign concessions in the USSR (1920—1930): documents and materials: In 2 vols. Moscow, 2005, 854 p. (In Russian).
26. Англо-советские отношения со дня подписания торгового соглашения до разрыва (1921—1927): ноты и документы с вводной статьей и предметным указателем. — М.: Литиздат НКВД, 1927. — 172 с.
- Anglo-Soviet relations from the signing of the trade agreement to the breakup (1921—1927): notes and documents. Moscow, 1927, 172 p. (In Russian).
27. Денисов В. И., Черноградский В. Н., Потравный И. М., Иванова П. Ю. Направления сбалансированного социально-экономического развития Арктической зоны России (на примере Якутии) // Проблемы прогнозирования. — 2020. — № 4. — С. 66—73.
- Denisov V. I., Chernogradskii V. N., Potravny I. M., Ivanova P. Yu. Directions of the Balanced Socioeconomic Development of the Arctic Zone of Russia (with the Example of Yakutia). Studies on Russian Economic Development, 2020, vol. 31, no. 4, pp. 404—410. DOI: 10.1134/S107570072004005X. (In Russian).
28. Novoselov A., Potravny I., Novoselova I., Gassiy V., Sharkova A. Harmonization of interests during Arctic industrial development: The case of mining corporation and indigenous peoples in Russia. Polar Science, 2023, vol. 35, 100915. DOI: 10.1016/j.polar.2022.100915.

Информация об авторе

Трошина Татьяна Игоревна, доктор исторических наук, профессор, кафедра социальной работы и социальной безопасности, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (163002, Россия, Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17); профессор, кафедра гуманитарных наук, Северный государственный медицинский университет (163069, Россия, Архангельск, Троицкий просп., д. 51), e-mail: tatr-arh@mail.ru.

CONCESSION NATURE MANAGEMENT IN THE EURO-ARCTIC ZONE OF RUSSIA IN THE 1920S: ECOLOGICAL-ECONOMIC AND HISTORICAL ASPECTS

Troshina, T. I.

Lomonosov Northern (Arctic) Federal University
Northern State Medical University

The article was received on June 19, 2023

For Citing

Troshina T. I. Concession nature management in the Euro-Arctic zone of Russia in the 1920s: ecological-economic and historical aspects. *Arctic: Ecology and Economy*, 2024, vol. 14, no. 1, pp. 70—79. DOI: 10.25283/2223-4594-2024-1-70-79. (In Russian).

Abstract

The article provides a retrospective analysis of the development of concessions in the European North of Russia, showing their impact on economic development and the state of the environment. The purpose of the research is to study the experience of transferring the raw materials resources of the European north of Russia in concession to foreign entrepreneurs in the 1920s to attract investment in the implementation of projects for proper and economically efficient use of natural resources. The author considers forestry, fishing and fur-trading concessions as the object of the study. Based on the analysis of various published and archival sources the author reveals that the concessionaires, in the interests of obtaining income, violated state laws, including environmental laws. Critical analysis of the activities of foreign concessions creates a scientific basis for the implementation of national economic projects, and gives impetus to the development of domestic environmental science. The results of the study on the use of the experience of concessional environmental management are due to be applied in developing measures to prevent the negative impact of Arctic development on the environment, to attract investments, including foreign ones, to harmonize the interests of business and the local population.

Keywords: *Foreign concessions, new economic policy, European North, Arctic, renewable natural resources, timber industry, fishing and fur-trading, rational environmental management.*

Funding

The article was written as part of the research supported by the grant of the Russian Science Foundation (RNF), project No. 22-18-20061 “Foreign Concessions in Arkhangelsk Province: Regional Experience of Foreign Economic Contacts in the Conditions of Isolation of Soviet Russia”.

Information about the author

Troshina, Tatyana Igorevna, Doctor of History, Associate Professor, Professor, Department of Social Work and Social Security. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (17, Northern Dvina embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002); Professor, Department of Humanities, Northern State Medical University (51, Troitsky prosp., Arkhangelsk, Russia, 163069), e-mail: tatr-arh@mail.ru.

© Troshina T. I., 2024